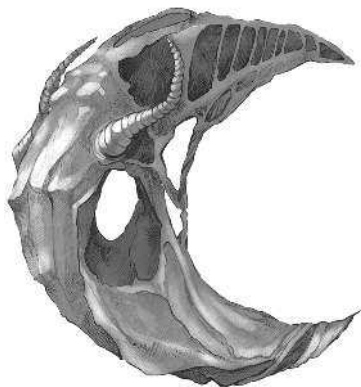

ЗЕМЛЯ
СЛУЧАЙНЫХ
ЧИСЕЛ

Татьяна
ЗАМИРОВСКАЯ

ЗЕМЛЯ
СЛУЧАЙНЫХ
ЧИСЕЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-26

Книга печатается в авторской редакции

Замировская, Татьяна Михайловна.

3-26 Земля случайных чисел / Татьяна Замировская. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-113093-0

В параллельной реальности эти 23 рассказа могли бы стать самым жутким и метафизическим сезоном «Черного зеркала». Что, если люди реинкарнируют назад во времени целыми кластерами? Живем ли мы в альтернативной вселенной, где президент США Дональд Трамп? Вы играли когда-нибудь в «Мафию», где убивают по-настоящему? Можно ли сдать испытания Страшного суда экстерном при жизни? А что, если Дэвид Боуи на самом деле не умер, а Йозефа Бойса выхаживали не крымские татары, а девочки-подростки из дачных пригородов?

Пожив несколько лет в Нью-Йорке, Татьяна Замировская написала книгу про взросление, насилие и невозможность речи – ответов тут нет, но есть пространство для ваших собственных вопросов к миру.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113093-0

© Оформление.
ООО «Издательство «АСТ», 2019

Земля случайных чисел

Проснулись в девять утра от жуткого грохота.
Наше поле, наше.

Мы сразу туда побежали, конечно же, как только это случилось, потому что *это было наше поле*. Все, что там происходило, — только наше. Это там мы с Ниэль встретили коричневую земляную ведьму в грибной шапочке аптекаря. Там я вызывала Белую Собаку на пятом лунном рассвете, умирая от ужаса, и собака пришла, и принесла нам корзинку с десятидневными щенками просто так поиграть — с каждым днем они, слепые и нежно-плешивые, как одуванчики после бури, становились тоньше, розовее и прозрачнее, пока на десятый не превратились в набор шевелящихся тихих кожаных пузырей, и тогда Белая Собака пришла и забрала их обратно в себя. Это там Ниэль копала могилу лесному черту, и сделала все настолько правильно, что, когда лесной черт умер, он пришел и лег в эту могилу, потому что не было ему больше ни места, ни пристанища. Там мы искали мясной цветок папоротника июльской ночью, и нашли, и положили под подушку дяде Володе, который наутро выиграл в лотерею трешку где-то на окраине, и сидит теперь в этой трешке и пьет днем и ночью, не надо было ему этот цве-

ток подкладывать, а его жене бывшей надо было, но что уж теперь. Наше поле, наша дикая, кровавая, болотистая живая земля, в ней всюду наш волос, наш бледный лунный ноготь янтарным серпиком, наши заклинания, наши летние стихи для смерти (идея Ниэль — придумывать специальные стихи для смерти, чтобы она пришла хотя бы на краешек поля присесть послушать: в стихах должны быть расположены специальные белые пятна, мерцание агонии, аритмичный стрекот чейна-стокса), утренняя мучнистая вода в барашковых копытцах, внимательный взгляд заколдованного бекаса на закате (расколдовать не вышло, но мы старались).

И вот теперь это поле горело, гремело и перекатывалось туда-сюда, как будто Господь пытается свернуть его в барбекю-рулон. Я с ужасом смотрела в окно, зажав уши, а Ниэль визжала, прыгая вокруг:

— Нашеполенашеполенашеполе!

— Толькочтовоتبуквальносейчасминутуназад!

Никого из взрослых дома не было, все уехали на авиашоу в город, а на наше поле только что упал истребитель.

С верхнего этажа спустились Леля и Катерина.

— Истребитель, — сказала Катерина. — Я в них разбираюсь. Видела, как падал горящий. Было немного ощущение, что я его сама сбила взглядом.

Сонная Леля, щурясь, уже натягивала кеды и наваливалась всем своим мягким птичьим, щенячьим весом на дверь.

Мы прибежали на наше поле, чтобы посмотреть, что от него осталось. Поле горело и гудело, живого места не было вообще. Взрослых еще не было, мы прибежали самыми первыми. Леля предложила подойти поближе и поискать выживших: видела в новостях, что люди часто в таких ситуациях, когда упал самолет, лежат просто так лужицами на поле, но вдруг на нашем поле они окажутся живыми. Катерина сказала, что если это истребитель, в нем был, скорей всего, только один человек, и тот — летчик. Никаких пассажиров. Тогда Ниэль предложила поискать летчика, и мы пошли близко-близко к огню. Было очень жарко, даже на расстоянии нескольких десятков метров от всего этого огненного рулона, но мы все равно пошли.

Находили по дороге разные странные предметы: кожаный пергамент с бахромой, пустые бутылочки, возможно, снаряды или бомбы, кресло целое большое зеленое-зеленое, как трава, игрушечного медведя (Леля хотела взять себе, но Ниэль ей запретила, больно и цепко схватив за маленький пухлый локоть).

Вначале мы подумали, что летчик катапультировался, но он не катапультировался, а лежал в коровьем озерке прямо внутри катапульты, застегнутый наглухо в какой-то кожаный кокон, и, когда Ниэль его расстегнула и заглянула вовнутрь, она сразу сказала:

— Это наше.

Мы заглянули в кокон и поняли: да, это наше.

Летчик был весь в крови, молоке и каких-то подтопленных кореньях, разбросанный внутри кокона художественно и сытно, как ресторанное блюдо.

Вдалеке были видны фигурки взрослых, по-военному деловито зашумел далеко-далеко вертолет. Сейчас они все придут на наше поле и будут разбираться.

— Кокон пусть возьмет Леля, в нем, скорей всего, питательные вещества, — скомандовала Ниэль, высвобождая летчика и хватая его за ногу. Катерина схватила его за другую ногу, я — за круглую, жесткую, как у собаки, голову, замотав ее в куртку, чтобы не видеть лица. Летчик был сухой и легкий, как мешок с выжженной травой, тем не менее, пока мы его тащили, он оставлял за собой скользкий и небесно-прозрачный след, будто гигантская водяная улитка.

— В подвал! — закричала Ниэль, когда мы дотащили летчика до дома. Я отпустила голову, она глухо стукнулась о земляную ступеньку, и летчик сказал: «А».

— Ему больно, — объяснила Ниэль, — но ничего, главное, дотащить, а потом мы перевяжем там что надо.

Захлопнули дверь подвала, разложили летчика среди банок с бабушкиным компотом две тысячи шестого, маленькая Леля расстелила кокон, ставший вдруг клетчатым, как плед; все случилось слишком быстро, буквально за каких-то пять минут — не успели ни понять ничего, ни испугаться.

— Так, — выдохнула Катерина, — Я пойду наверх, там пожарные машины приехали.

Ниэль начала возиться руками в районе пояса летчика — там была машинка для регенерации, как она нам объяснила, и черный ящик, который записывал все, что было в его жизни *до падения*, а после падения все стер, потому что никому в такой ситуации про жизнь уже не интересно. Выудив скользкую, покрытую чем-то вроде яичного желтка коробочку, Ниэль вытерла ее подо-

лом взвизгнувшей Лели, открутила крышку и уже через десять секунд вонзила в предплечье летчика стальной звонкий мини-шприц.

— Так везде делают, — объяснила она нам с Лелей, — Может, он и придет в себя. Еще срочно нужно молоко, но обязательно после кошки, чтобы его уже кошка немного попила. Леля, сбегай наверх.

Я побежала наверх с Лелей вместе. Глянули в окно — на месте катастрофы уже собралась большая толпа, по узкой деревенской дороге тащился, причитая и цепляя хромированными рычагами ржавые заборы, пожарный авианосец, черное облако гари тянулось далеко-далеко к реке. Жарило солнце. Хотелось купаться.

Приехал Лелин папа, привез холодных утренних рыб в пакете, запретил идти из дома, черт знает что, говорит, происходит, все горит, ужасная авария, никуда не идите. Леля взяла из его рук пакет с рыбами, спросила, когда приедут остальные взрослые, он замахал руками: идите, идите к себе, все дороги перекрыты пока, не доехать, это же надо, ужас какой, хорошо, что не на наш дом, уводил от домов, говорят, уводил подальше, увел, а сам не смог, не ушел.

Леля, выбравшая из пакета самую тихую и покорную рыбу, вдруг замерла с этой рыбой в руке и открыла рот, чтобы возразить — ушел, ушел! — но тут на рыбином тоненьком рту цепко сомкнулись тонкие пальцы выбравшейся неведомо откуда Ниэль, и Лелины зубы будто светло судорогой.

— Мы будем играть в подвале, раз на улицу нельзя! — улыбнулась Ниэль. Я тем временем сидела под столом и наблюдала, как кошка медленно-медленно, как во сне,

пьет молоко. Через бесконечные пару минут я оттолкнула ее надетым на руку тапочком, взяла плошку с молоком и медленными шагами пошла к лестнице, пока за окном рвались снаряды, чадила чернотой смородина и рокотал вертолет спасателей, обреченных на провал, — на нашем поле еще никто и никогда никого не мог спасти.

Кроме нас, кроме как от нас. Да и от нас — никак, если честно.

Летчик первые дня три чувствовал себя не очень хорошо — лежал в разных углах подвала одновременно, пару раз был просто какой-то строительной пеной, лица я на нем вообще не видела, но Ниэль уверяла, что удавалось рассмотреть, пока он пил молоко через соломинку — рта еще не было, серьезная авария, но в одну из дырочек в голове вставили соломинку, и молоко исчезало, значит, летчик пил.

Взрослые возвращались из города, пили вино, смотрели телевизор и причитали: какая трагедия, еле увел от деревни, так и не поняли, что толком случилось, говорят взрыв, горе-то какое, молодой совсем, тридцать три года, а если бы выпрыгнул, то точно бы на дома упал, все бы погибли, вообще все, спас детей, спас, святая душа, святая.

Мы пили молоко и ухмылялись. *На самом деле это мы его спасли.* За окном чернело провалом выжженное поле, и тихие болотные птицы ночами оплакивали своих нерожденных сыновей, раскачиваясь на обгоревших кустах. Катерина отставляла в сторону рюмочку с вином (ей в ее 14 разрешали иногда выпивать со взрослыми) и со скучающим видом шла «в подвал за компотиком».

Конечно, мы должны были сказать родителям, что *мы спасли летчика*, но летчик пока был не в очень хорошем состоянии, видимо, он немного испортился, пока падал, и мы решили, что вначале дождемся, пока он пойдет на поправку, а потом скажем, непременно скажем. Нам бы здорово влетело, если бы взрослые узнали, что мы украли летчика с поля. Если бы он сразу был в порядке — мы бы сразу и сказали. А так мы понимали, что взрослые могут решить, что это из-за нас он такой. Нет уж, надо выхаживать.

Мы с Ниэль ночами пробирались к жженому полю, нюхали черную траву в поисках той самой, которая вернет летчику память о том, как он летел в наше поле кипящим метеоритом. Маленькая Леля ходила с сахарными головками на такое же маленькое сельское кладбище, где жили огромные черные муравьи, — раскладывала сладости по камням и ждала, пока муравьи не наполнят сахарные комочки своей живительной земляной кислотой: летчик мог есть только такие конфеты. Я вызвала Белую Собаку на бабушкину косынку, утиное яйцо и змеиную шкурку — и Белая Собака пришла, и дала мне себя подоить, и я надоила где-то полчашки сероватого, перламутрового полупрозрачного молока, из которого Ниэль сделала крошечный сыр, — съев этот сыр, летчик застонал, у него изо рта и глаз пошла кровь, и так мы увидели его рот, полный крепких костяных зубов, и глаза — зелено-карие, как осенние камни. Леля выпарапывала из дерна крошечные стеклянные секретрики с прошлогодними цветами и сушеными насекомыми — мы клали их летчику на лоб землю вниз, и, когда земля проваливалась и оседала, цветы оживали и начинали виться вокруг его лба, и лоб тоже оживал — кожа из пергаментно-восковой становилась медовой и блестящей, а стеклышками по-

сле этого мы резали себе руки и писали кровью на полу маленькие записки летчику — пока у него из глаз шла кровь, он мог видеть и разбирать только то, что включало в себя кровь.

«Поле, на которое ты упал, принадлежит нам. Поэтому ты тоже принадлежишь нам», — писала Ниэль.

«Я — Леля», — смущенно выцарапывала стеклом прямо у себя на запястье маленькая Леля, морщась от первой в ее жизни осознанной боли.

«Сколько тебе было лет?» — спрашивала Катерина.

Я нарисовала кровью самолетик на своей левой ладони.

Он схватил мою руку и прижал ее к своей щеке. Это было так неожиданно, что я расплакалась, и плакала после этого весь вечер, и взрослые сказали, что это все из-за этой аварии, ведь мы все видели своими глазами, это ужасно, скорей бы уже разгребли обломки с поля и наконец-то выяснили, как это случилось; мне сварили молока с какими-то успокоительными травами, и, пока я пила его, обжигая и выжигая всю себя насквозь, я заметила, какими холодными глазами смотрит на меня Леля, вынужденная в жаркий день носить блузку с длинными рукавами, чтобы никто не видел ее исцарапанных рук.

Взрослые все рассказывают, как это было страшно, как проводят расследование, как отказали сразу два двигателя — как это могло случиться? — потом замолкают, испуганно смотрят на нас, неискренне перепрыгивают на темы салатов, куриных закатов, тетиных закатоков — а, что? Закатоков?

«У нас в подвале штабик, но мы потом все уберем, — говорит Ниэль, надавливая под столом ногой на мою ногу — Если нужны эти чертовы патиссоны, я принесу».

Штабик — это святое. У нас принято: взрослые не лезут, если штабик, а мы потом просто убираем все сами, когда заканчиваем. Так уже было с чердаком и мышинным королевством, нам верят, мы никогда не врем, и даже с этим летчиком не обманывали бы, если бы он только был получше, если бы он только стал хоть чуть-чуть получше, как им такое покажешь, пока нельзя показывать еще ничего.

У летчика, меж тем, постепенно проявляется лицо — оно все изранено, изрыто копытцами, в которых застоялась талая болотная весенняя вода. Чтобы копытце затянулось, нужна живая плоть. Чтобы оживить плоть, надо взять из плова немного барашка, пойти на поле, вложить барашка в подходящее по размеру утреннее барашковое копытце с утренней же водой (вчерашнюю воду нельзя, надо после дождя поэтому приходиться), вызвать Белую Собаку на три утиных яйца и большую конфету «Кузнечик» и попросить ее помочиться в копытце — тогда барашек прирастет к копытцу и можно его осторожно вырезать, чтобы не повредить землю вокруг, резать только по мясному, по земляному нельзя. А потом уже вкладывать туда, где у летчика чего-то не хватает, и, как правило, приживается. Если приживается, то летчик не стонет, может иногда даже пытаться сесть или что-то сказать. Если не приживается, надо срочно вырезать и отнести обратно в плов. Плову не важно, взрослым не страшно, ничего с ними не станется, в плове и так все мясо неприжившееся.

Чтобы летчик проявлялся как мужчина, а не как женщина, Ниэль заворачивает его в краденые грязные рубашки дяди Володи, которые она тщательно вымачивает в отваре из кошачьей шерсти, — шерсти у нас полон

дом, потому что кошку часто тошнит серыми шерстяными колбасками. Рубашки летчик полностью принимает в себя — они пропитываются потом и становятся чем-то вроде новой ожоговой кожи, и уже на пятой-шестой рубашке летчик выглядит почти не страшным, почти не обожженным, и это все уже почти тело, и это уже вполне почти жизнь, но взрослым пока что еще *не надо*.

По вечерам Ниэль читает летчику свои тексты из серии «Эльфы серебряной реки». Мы немного подустали от ее безудержной графомании, потому вначале даже радовались, что теперь все это батальное великолепие достается летчику, пока не поняли — когда он уже заговорил, — что его лексикон во многом складывается из эпоса Ниэль. Это выяснилось однажды вечером, когда он сам — впервые! — взял в руки и выпил чашку компота из сухофруктов и собранных на десятый лунный день однодневок-огневок, традиционно устилавших своими прозрачными тельцами чердачный пол. Леля, которая принесла ему компот, смутилась, уронила чашку, неловко рассмеялась, и тут он сказал:

— Сила, которая тебе дана, — это вовсе не та сила, которую ты используешь.

Это была первая связная фраза, которую он произнес. Леля была ужасно тронута тем, что фраза предназначалась ей, но содержание фразы — явно влияние Ниэль. Мы тут же запретили ей читать летчику свои эльфийские истории, тем более что летчик уже заявил Леле, что его зовут Силлемаль из Долины Стальных Шипов, что, конечно же, было полной чушью, не так его зовут, а как — вот это серьезный вопрос. И для этого нужно пробудить в летчике память.

Пробудим память, а потом расскажем взрослым, решили мы. Пока будем носить эти тяжелые стеклянные компоты туда-сюда самостоятельно.

Повесили на подвальную дверь дополнительный замок, по ночам ходили дежурить по очереди, кормить надо было по ночам, по часам, как птенца — и еда обязательно должна быть живая: оживляли для него маленьких рыбных мушек, оживляли двойные желтки самых крупных яиц пятницы, как-то даже получилось оживить рыбку.

Съедая оживленное, летчик становился все более здоровым — точнее, выглядел как выздоравливающий от болезни, название которой ни одна из нас так и не произнесла, но все, разумеется, его знали. Во время дежурств разное происходило, конечно. Ниэль, когда спускалась, рассказывала — она приходит, а у него на груди еж сидит. Кот сидит, где больно, а еж сидит, где не больно, это все знают. Выходит, ему там, где душа, не больно? Но он чувствует что-то вроде тоски, рассказывала Леля — просил у нее бумагу написать письма своим родным, но не мог вспомнить ни своего имени, ни фамилии, ни того, что с ним случилось, ни родных. Просто помнил: письма родным. Ны-ны-ны, дай-дай-дай — стонал страшно, и бился головой о трехлитровую банку огуречной закатки минувшего сентября, и банка церковно звенела, как пасхальный набат. У меня попросил кекс из красной муки, чтобы уйти домой. Так и сказал: это мне, чтобы домой уйти. А где дом — не помнит.

Мы сходили на наше поле, конечно, собрали там немного красной пшеницы, но нас выгнали следователи — прочесывают поле с собаками, все ищут какие-то ящики, свидетельства. Ничего не найдут. Красной пшеницы было